

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«ПОЦЕЛУЙ МЕНЯ, УКУСИ МЕНЯ!»:

ВЕРОНИКА ФОКС
«КОРОЛЕВСТВО ОСТЫВШИХ МОРЕЙ»

ЛАНА ЕЖОВА
«В ШАГЕ ОТ ЗВЕРЯ»

В Е Р А П Е Т Р У К

СУМЕРЕЧНОЕ
СЕРДЦЕ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П31

Иллюстрация на переплете *О. Кандела*

П31 **Петрук, Вера Александровна.**
Сумеречное сердце / Вера Петрук. — Москва :
Эксмо, 2023. — 288 с.

ISBN 978-5-04-180404-6

Добро пожаловать в королевство Готенрут! Раньше здесь правила Королева фей, но ее муж, молодой маг, по неопытности открыл врата в мир тьмы. Королевская семья погибла, в страну хлынула нечисть, а власть захватили вампиры, с которыми сражаются немногие свободные города людей.

Изгнанная из клана, вампирша Эсмина проклята и мечтает о возмездии. Потеряв способность пить кровь, она обречена на гибель, но случайно встретившийся колдун обещает ее спасти. Нужно всего лишь найти пять ключей от ворот старого королевского замка и посадить на трон мертвую принцессу. Отправившись в путь вместе с чернокнижником, крепко охраняющим свои тайны, Эсмина встретит немало друзей и врагов, прежде чем поймет, что в ее жизни появилось кое-что важнее крови. И слова, когда-то звучавшие в ее сердце, она вспомнит не сразу: от жизни к смерти и от смерти к жизни.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-180404-6

© Петрук В., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Глава 1

ПРОКЛЯТАЯ

— Отдай мне свою кровь! — прошептала Эсмина, осторожно перенося вес с ноги на ногу.

Она не питалась уже много недель, похудела и весила совсем ничего, но ветка все равно предательски затрещала и прогнулась, обещая оторваться от ствола, если вампир сделает еще хоть шаг.

Макушка березы колыхалась всего в паре метров над ее головой. Далеко внизу, под курчавыми зелеными облаками листвы, виднелось заболоченное русло реки, покатые берега с цветущим тростником да овражки с желтыми точками первоцветов. Вода текла еле-еле, местами уже покрываясь молодой ряской. Стояла необычно теплая, ранняя весна, разбудившая еще спящую природу громогласным гомоном вернувшихся с юга птиц, ласковым ветром и яркими погожими днями.

— Пожалуйста, дай немного...

Одной рукой Эсмина ухватила за верхнюю ветку, а вторую протянула к жертве, приглашая пичугу сесть на запястье. Она была уверена, что прочно установила связь, укрепила взгляд гипнозом, одним словом, договорилась, но дрозд думал иначе. Сверкнув черным глазом-бусиной, он взмахнул крыльями и, выронив перо, изящно упорхнул,

исчезнув в кудрявой зелени соседних берез. Эсмина жадно проводила его взглядом, но прыгать на другие деревья не стала. Слишком далеко и хлопотно. Крови в птахе мало, а по договору вампиру вообще достались бы капли. Лишь зря потраченные усилия. Грызуны и звери покрупнее попрятались в весеннем лесу так, что не оставили охотнику ни шанса, а ведь Эсмина новичком в этом деле не являлась. Ее второе рождение произошло почти сто лет назад, и в свое время она считалась лучшим охотником клана.

Как же давно это было...

Ветка все же не выдержала и, затрещав, опасно накренилась к земле. Эсмина приникла к стволу и, сдирая кору, с шумом съехала вниз. О тишине она уже не заботилась: охота не задалась с самого утра, а безмолвие леса ничего, кроме голода, не обещало.

Все было неправильно, все катилось к чертям, а вернее, к Темному Хозяину, которому Эсмина лично не служила, но знала многих, кто умудрился продать ему душу. Вампиры не уговаривали жертву, не охотились на птиц, не карабкались по березам и, как правило, не голодали. Людских селений поблизости хватало, да и леса были богаты дичью. Это только ей, Эсмине, не везло.

Начать с того, что она переродилась не обычным вампиром, а полуденным. Днем бодрствовала, ночью спала, и уже одно это обстоятельство сделало ее изгоем в собственном клане. Таких терпели, но не любили — завидовали. То, что запрещено, манит сильнее всего, и солнце, убийца вампиров, — заветная мечта каждого кровососа. Ей же было дано

любоваться в равной степени и луной, и солнцем. Дневной свет не сжигал ее кожу, она бодрствовала в любое время дня и ночи, что делало Эсмину особенным вампиром и почти совершенным хищником — опасным и непредсказуемым. Она пробовала спать, как все, днем, но организм сдался через месяц, и больше против самой себя Эсмина не бунтовала.

Она честно и преданно служила клану, сторожа Гнездо днем и тщательно прячась ночью. В отличие от других вампиров Эсмина не была привязана к гробу и могла выбирать место для ночлега, где хотела. Чаще всего Гнезда устраивали в заброшенных замках, которых после Ритуала осталось много по всему королевству. Пустые, темные, разрушенные, они были похожи на гнилые зубы в пасти мертвеца, в которого превратился Готенруг много лет назад.

Тьму влечет к тьме, вампиры селились в подвалах и подземельях, чувствуя себя прекрасно среди руин. Но только не Эсмина. Она всегда искала остатки башен или донжонов, где выбирала более-менее сохранившуюся комнату на верхнем этаже. Однако после того, как ей едва не оторвали голову свои же, взревновавшие к главе клана, который, по их мнению, уделял полуденному вампиру слишком много внимания, Эсмина перестала спать в комнатах, предпочитая на ночь рыть норы в корнях деревьев. Острые когти, которые за сто лет второго перерождения она научилась отращивать до полуметра, помогали быстро справляться с задачей. Вампиры могли легко учуять себе подобного, но запах земли всегда сбивал их со следа. Поэтому

уже много лет Эсмина предпочитала спать в норах, с каждым днем теряя то небольшое, что когда-то роднило ее с человеком.

А вот Кройн до последнего дня называл ее «своей дурочкой», хотя Эсмина не раз говорила, что не любит ни его, ни такое обращение. Она была зверем, хищником, нечистью и, уж конечно, не «дурочкой». Но с главой клана не поспоришь. Причуды Кройна терпели все, терпела и она.

Затем настал тот самый день, когда все закончилось, а неправильное стало и вовсе абсурдным. Обычно Эсмина не участвовала в набегах, ведь их устраивали ночью, а в темное время суток она была бесполезна. Умение видеть в темноте ей не передалось. Но Кройн тогда настоял, что пойти должны все — и новообращенные, и даже Эсмина. Разбирались с одним графом-предателем, который поставлял клану жертв, но сговорился с соседями и предал Кройна, напав на убежище вампиров днем. Тогда всех спасла Эсмина. Она вовремя заметила приближающихся воинов и обрушила вход в катакомбы, где хранились гробы клана. Правда, не очень-то ее заслуги оценили, ведь разгребаться пришлось не одну ночь. Тем не менее вылазка графа прошла неудачно, а вот контратака Кройна — вполне успешно.

Разорили и соседние земли, и сам замок предателя. Обычно вампиры берегли «стадо», не занимаясь массовым уничтожением, но Кройн, чья честь была задета, решил уходить в другие места, здесь же не оставить камня на камне.

Эсмина в боине не участвовала, сторожила у входа. В замок проникли еще на закате, испор-

тив все факелы, свечи и камины. Резня проходила в темноте, кровь летела во все стороны так, что, казалось, даже луну забрызгало. А луна в ту ночь была особенная, ярко-желтая, налитая, такие только на стыке сезонов бывают.

Эсмина скучала, зевала и старалась не думать о крови. Мысли о ней занимали голову упыря большую часть времени, наполняя немногие оставшиеся часы тоской и страданиями. А может, так было только с Эсминой, потому что, глядя на других вампирш клана Кройна, она не могла сказать, что те когда-либо страдали. Если не кровь, то забава и любовь, иначе зачем дана вторая жизнь, говорили в клане. Несогласная Эсмина помалкивала, у нее и так хватало различий с братьями и сестрами, чтобы выделяться еще и мнением, однако веселые игрища клана, переходившие в оргии, ее обычно утомляли. Ссылаясь на свою «полуденную» натуру, она уходила спать, но Кройн потом всегда высказывал ей свое недовольство.

В ту ночь и случилось то, что сожгло последний мост, соединявший Эсмину с членами клана. Она сидела на камне, прислонившись спиной к сырому граниту замковой стены, и бездумно глядела на луну, которая нравилась ей куда меньше солнца. В отличие от людей Эсмина могла спокойно глядеть на дневное светило, не боясь выжечь глаза. И в хаотичном мареве ей порой виделось такое, о чем она предпочитала даже не вспоминать, не то чтобы с кем-нибудь делиться. За разговор о солнце любой вампир мог выцарапать глаза. Ну или хотя бы попытаться это сделать, потому что после де-

сятка покушений с Эсминой связываться перестали. По непонятной причине ей достался не только полуденный дар, но и огромная физическая сила, уступавшая разве что силе Кройна. После того как Эсмина разорвала на части трех сестер клана, пытавшихся поставить «неправильную» на место, трогать ее боялись, но о каждом «проступке» помнили.

Итак, Эсмина безмятежно глядела на луну, когда к ее ногам приземлилось тело. Оно прилетело с верхней башни, потому что при ударе о камни сильно деформировалось. Однако все еще можно было разглядеть очертания молодого женского тела в разорванном платье. Что-то подсказывало, что одежду на ней порвали еще там, на вершине. Кройн никогда не проходил мимо красивых женщин. Понять, была ли дама красавицей при жизни, оказалось уже сложно, ее лицо сильно разбилось, волосы прилипли к кровавому месиву, когда-то бывшему носом, губами и глазами. Но, как ни странно, несчастная еще дышала.

Нечеловеческим усилием воли она приподнялась на поломанных руках и уставилась на Эсмину единственным уцелевшим глазом, который сверкал сквозь кровавое облако волос и плоти, как отражение полной луны в болотной полынье. Тогда бы Эсмине догадаться, что за жертва упала к ее ногам, да броситься бежать, но она была слишком погружена в лунные думы и заметила подвох не сразу.

Поднявшись, Эсмина не спеша направилась к женщине, собираясь свернуть ей голову. В отличие от садиста Кройна, который пытался привить жестокость каждому обращенному вампиру, Эсми-

на мучения не любила. Своих жертв она, как правило, крепко усыпляла и никогда не выпивала до конца, предпочитая утолять вечную жажду несколькими людьми — потом живыми, чем напиваться одним человеком досыта — потом обязательно мертвым. А еще Эсмина была брезгливой и никогда не пила кровь раненых, считая это дурной приметой.

Проявить жест милосердия и свернуть шею несчастной не удалось.

Зато в следующую секунду Эсмина на собственной шкуре почувствовала, каково это, когда тебе пытаются сломать шею. Нет, женщина к ней даже не приближалась. Вытянув скрюченную руку с изувеченными пальцами, она сжала их в кулак, отчего Эсмину дернуло вверх, приподняв от земли едва ли не на метр. Ее ноги беспомощно засучили в воздухе, и, хотя она, будучи неживой, не могла задохнуться, ощущения испытала такие, словно сейчас сдохнет.

Но, видимо, силы уже покидали ведьму, потому что Эсмину скоро швырнули обратно на камни, а голос, проникший в каждую клеточку ее тела, прошептал:

— Проклинаю тебя, вампир! Будешь просить о крови до конца своих жалких дней! Больше ни один человек не умрет от твоих клыков!

Тот набег для Эсмины закончился плачевно. Ведьма испустила дух сразу после проклятия, уплыв туманным облаком к луне, а вампирша, попавшая ей перед смертью, еще долго приходила в себя, не понимая, что ее прежней жизни пришел конец. Когда Кройн узнал, что Эсмина больше не может нападать, а только просить, чтобы жертва добро-

вольно поделилась с ней кровью, чаша его терпения переполнилась.

— Никто так не пахнет, как ты, моя дурочка, — сказал он, последний раз сжимая Эсмину в объятиях, — и никто не доставлял мне большей радости, но я не собираюсь кормить и нянчить тебя. Наш клан уходит на север, там новые земли, и слабые будут только помехой. Я прогоняю тебя из клана, лишаю его защиты и забираю твою силу. Иди с миром, Эсмина, но мой совет — утопись в болоте. Вампир, лежащий под гнилой водой без крови, погибнет через год, может, два. Смерть мучительная, зато верная. Мы не знали, что в гостях у графа была та ведьма. Многих братьев и сестер она забрала с собой. И лучше бы тебя тоже убила, потому что такое проклятие снять не сможет ни один колдун.

— Тогда убей меня сам! — взмолилась Эсмина.

Вся ее жизнь прошла вместе с кланом, а другой она себе не представляла. Особенно той, где нужно было молить жертв о крови. Она могла бы питаться кровью вампиров, но никто из братьев и сестер не захотел с ней делиться, Кройн же заставить их не мог. Как не мог он поделиться и своей собственной, потому что она предназначалась только для новообращенных.

— Нет, — покачал головой тот, кто когда-то подарил ей второе рождение. — Я не убиваю своих созданий, но ты можешь попросить об одолжении любого из Клана. Дамы тебе точно не откажут.

О, дамы не только ей бы не отказали, они с нетерпением ждали, когда Кройн оставит ее одну. После того как вампир изгонялся из Клана, сила его

меркла. Так лишилась ее и Эсмина, став слабее даже новосозданных.

Она не легла в болото и не подставила горло клыкам кройновских любовниц. Клан ушел на север, к долинам и морю, Эсмина же — на восток, в лесную глушь, которую люди и нелюди называли Млывом — местом между небом и землей. Здесь никто не жил по-настоящему, а каждый попавший сюда гадал, мертв он или еще жив.

Эсмина и раньше навевалась в Млыво, в основном за дичью, когда людей в округе становилось мало и вампиры переходили на животных. Со зверем в Млыве никогда не было проблем, и Эсмина, уходя в чащу, была уверена, что, применив гипноз, сможет «договориться». Она сомневалась, что гипноз относится к «добровольным» методам, однако проверить, работает ли этот способ добычи еды, так и не удалось. Леса пустовали. Казалось, что все звери ушли вслед за вампирами на север. Сегодняшний дрозд был первым живым теплокровным созданием, кого Эсмина встретила за долгие недели блуждания по Млыву.

В голову, конечно, лезло всякое нехорошее. И что она случайно перешла границу, оказавшись в царстве духов, где живым, разумеется, нет места. И что проклятие умирающей ведьмы было куда страшнее, чем казалось на первый взгляд. И что она, Эсмина, уже умерла, просто еще не знает об этом.

С трудом заставив себя не думать о крови, Эсмина отправилась бродить меж берез, с любопытством рассматривая деревья. Раньше встречались лишь тополя да ясени, а сейчас вот пошли березы.

Так она добрела до первых срубов и остановилась в задумчивости. Пеньки говорили об одном: люди близко, а значит, в мир духов она не забрела. В окрестностях Млыва находилась только одна деревня — Ялмар. Клан Кройна лет тридцать назад охотился в этих местах, но потом люди стали вырождаться и уезжать, и было решено оставить деревню в покое. Эсмина так и не поняла, каким образом у нее получилось вернуться обратно к владениям Кройна. Она собиралась уйти как можно дальше на восток, а, оказывается, бродила кругами.

Идти в Ялмар за кровью было еще худшей идеей, чем лечь в болото. Кройн оставил после себя такой кровавый след, что о его бесчинствах местные, без сомнений, сохранили память на века. После первой же «просьбы» о крови ее сожгут без всякого суда.

Решив обойти Ялмар стороной, Эсмина пошла к реке, чтобы перейти на другую сторону. Насколько она помнила, на левом берегу люди никогда не жили.

Течение было быстрым, вода — ледяной. Если второе не пугало, ведь Эсмина давно не чувствовала холода или жара, то сильное течение могло ее унести. С тех пор как Кройн лишил ее силы клана, она очень ослабела. Раньше бросилась бы в быстрые воды, даже не задумываясь, сейчас же замерла на берегу, кусая бескровные губы.

Подняв ладони к лицу, Эсмина огладила впалые щеки, провела по все еще тугой груди, тонкой талии, опустила руки на покатые бедра. Она исхудала, но еще не достигла той точки, после которой возврат к привычному существованию и человеческо-

му виду невозможен. У нее еще осталось немного времени, но слишком мало. Пока она могла предложить людям сделку. Все, что у нее есть, — это тело. Отдать его похотливому селянину за глоток крови сейчас представлялось вполне разумным.

А если она не сможет остановиться? После столь длительного голода Эсмина сомневалась в том, что глотка ей хватит. А Ялмар не такой большой, чтобы договариваться сразу с двумя людьми. Или она все усложняет? Отправиться в деревню, найти первого попавшегося пастуха или дровосека, соблазнить, а дальше будь что будет? Кровь придаст силы, убежать она сумеет. Но если поделившаяся с ней кровью жертва умрет, люди непременно начнут облаву.

Эсмина помнила жуткие времена лет пять назад, когда селяне одной деревни, в которой «питался» клан, пригласили профессионального охотника на вампиров. Тот человек знал свое дело. Потеряв с десяток сестер и братьев, Кройн вынужден был бежать, впервые добровольно оставив «пастбище». Эсмине тогда не посчастливилось лично встретиться с охотником, который оставил ей на память длинный шрам поперек спины — след кнута с серебряным шипом на конце.

Погрузившись в невеселые думы, вампирша вернулась к берегу и побрела в высоком тростнике, который цеплялся за разорванную юбку и растрепанные волосы, уже спускавшиеся ниже бедер. Превратившись в изгоя, Эсмина перестала следить за внешностью. Волосы у вампиров росли еще быстрее, чем когти, а подрезать их — процедура слож-

ная. Длинные пряди могли взять только серебряные ножницы, обращение с которыми требовало большого умения. Обычно ей помогал с этим Кройн, у которого такие ножницы имелись. О том, чтобы Кройн лично обрезал им волосы, мечтали многие сестры клана, усматривая в этом процессе едва ли не сексуальное действие. Эсмину стрижка всегда напрягала, ей нравились длинные локоны. Кройн же обрезал их так коротко, что первые дни она всегда напоминала мальчика.

Кройн... Что она сейчас к нему чувствовала? В клане он был всем — мужем, отцом, братом, любовником. Всем, только не другом. Ненавидела ли его? Пожалуй, нет. Ненависть — слишком сильное чувство для вампира, особенно для голодного, когда все его мысли занимает только кровь. Жажда всегда была главным чувством, затмевая остальной мир. Странно, что только сейчас, на грани полного истощения, когда голод стал не просто чувством, а зовом, звучавшим с каждым биением сердца, Эсмина задумалась о том, каково это — ощущать что-либо еще? Например, от ненависти она сейчас не отказалась бы. Возможно, чувство причинило бы ей сильную боль, сравнимую с той, когда прижигают рану раскаленным железом, но это же ее бы и излечило. А так — ни обиды, ни злости, ни гордости, ни ненависти. Один зов крови, беспощадный и... бессмысленный.

За такие мысли Кройн, который умел проникать в голову, мог и наказать, и Эсмина по привычке испуганно оглянулась. Но нет, клан с его традициями и правилами остался в прошлом, а здесь, в Млыве,

она одна. Даже звери ушли, не желая иметь с изгоем ничего общего.

Идти в тростнике было тяжело, и Эсмина остановилась, не понимая, зачем выбрала такую сложную дорогу. Слева от нее начинался овраг, покрытый сухой травой, свалывшейся в охапки и маленькие стожки. Пробриться сквозь такую преграду молодым весенним росткам трудно, зато шагать по «подушке» из прошлогодней травы — одно удовольствие. Впрочем, Эсмина давно уже не понимала мотивов своих поступков. Вероятно, сказывалось истощение, и голова соображала плохо.

Выбравшись из тростника, она уселась в сухую траву и принялась равнодушно наблюдать за окружающим миром. Что-либо делать вообще расхотелось. Наверное, если бы рядом оказалось подходящее болото, Эсмина воспользовалась бы советом Кройна и легла на дно. Бесконечно блуждать по Мльву было невыносимо.

Звери из леса, может, и исчезли, зато насекомых этой весной пробудилось достаточно. Вокруг ее головы озабоченно летали мошки, по босым ногам ползали ранние клещи с красными брюшками, какие-то паучки забрались в волосы. Клещи, конечно, призадумались. Они чувствовали в ней кровь, но Эсмина была холоднее, чем остатки снега, местами сохранившегося в лощинах, и мелкие кровососы не могли понять, стоит ли тратить усилия или лучше искать другую жертву. Вампирша им не мешала, пытаясь вспомнить, какая цель привела ее к этому берегу, поросшему тростником и березами. Ведь утром она еще находилась в го-

рах, где несколько дней подряд искала коз — все безрезультатно.

За жесткими стеблями тростника послышался всплеск, и Эсмина подскочила, жадно всматриваясь в воду. Какое-то время мутная поверхность полыньи оставалась спокойной, но стоило перевести дух, как река взбурлила снова, пошла рябью и явила тупую рыбью морду, высунувшуюся из тростников. Вампирша отшатнулась и трижды сплюнула. Рыба была одноглазой — хуже приметы в Млыве и не найти. Одноглазая рыба, высунувшаяся из воды, означала крупные неприятности, а иногда и скорую смерть. Что ж, все указывало на то, что жить Эсмине оставалось недолго.

Зато она вспомнила, зачем пришла к реке. В конце весны в Млыве пробуждались от зимней спячки русалки. У них плохая, пахнущая тинной и отдающая гнилью кровь, но все же это кровь, хоть и похожая на дурную водицу. Эсмина хотела с ними договориться. По крайней мере, попытаться. Вампиры с русалками не дружили, но она собиралась предложить им волосы, к которым речные сирены равнодушны.

Эсмина нашла несколько русалочьих нор, спрятанных по берегам среди нагромождений веток и лесного мусора, но все они были старые, прошлогодние. Несмотря на раннюю весну, русалки еще не проснулись. А потом вампирша увидела дрозда и обо всем забыла. Быстрая потеря памяти — дурной знак. Говорят, за умирающими людьми приходят ангелы смерти, а за нечистью — сам Хозяин. А еще болтали, что тех нечистых, которые не за-

ключили с ним сделку при своей «жизни», он пытается лично, а после заключает в самую страшную яму ада. Весь клан, включая Кройна, давно присягнул Хозяину, Эсмина же все тянула.

«Вернусь в горы», — решила она. Как же можно было забыть о грифонах? Эти твари просыпаются куда раньше русалок, и хотя волосы их не интересуют, она могла отплатить им работой. По весне грифоны строили сложные гнезда из камней и речной глины, больше напоминающие замки, разве что в миниатюре. Иногда они приводили с собой наемных гоблинов, которые в этих землях не обитали, но в поисках работы мигрировали даже на север. Может, они и Эсмину наймут? Ей бы немного крови, и сила восстановится! А если к грифонам и гоблины придут, то с теми наверняка можно будет договориться. Эсмина не знала еще такого гоблина, который не хотел бы лечь с вампиршей. У них это была мечта жизни. Конечно, она предпочла бы продаться человеку, чем зеленомордому, но в ее ситуации выбирать не приходится. Эсмина хотела жить.

Высматривая тропу, по которой пришла, она оглядела залитые полуденным солнцем стволы берез, похожие на белые пальцы великана, тянувшиеся к небу, верховье реки, утопающее в кустах малины и багульника, причудливо разбросанные валуны, напоминающие древние грибы, какие ей однажды приходилось видеть в южных землях, маленькую девочку, ковыряющую лишайник на тех самых валунах, россыпь желтых первоцветов в прогалине между деревьями...

Эсмина отчаянно замотала головой, пытаясь взбодриться и понимая, что от голода теряет способность здраво мыслить. А может, у нее начался бред, она давно его ждала, вот он и появился. Итак, березы, река, кусты, камни... Девочка.

Ребенок никуда не делся. Настоящий, человеческий, в плаще с капюшоном, пышном платице, отороченном снизу кружевами, в сползших носках и ботинках, нещадно заляпанных рыжей речной грязью. Растрепанные косы, выглядывающие из-под капюшона, и кружевная юбка указывали на то, что ребенок именно девочка, маленькая, а вот сколько ей лет, Эсмина даже не представляла. Малютка совсем крошечная, Эсмине ростом по пояс, не выше. Сколько таким детям может быть лет? Пять, семь? Вампириша так давно не видела человеческих детей, что совсем растерялась. Почему из всех видов бреда Млыво подарило ей именно этот?

Стараясь не шуметь, она осторожно обошла девочку кругом, жадно ее рассматривая. После многодневного созерцания одних деревьев да жухлой травы глаз удивлялся каждой детали. Курчавым локонам иссиня-черного цвета, большим синим глазам, в которых, казалось, утонуло небо, пухлым пальчикам, которые старательно отдирали куски лишайника и отправляли его в рот. Девочка старательно жевала, морщилась, а потом выплевывала. В конце концов, разочаровавшись в лишайнике, она ухватилась за ветку молодой березы, повисшую рядом, и, сорвав пучок молодых листьев, тоже сунула их в рот. Жевала на этот раз дольше, видимо наслаждаясь соком. Но и березовые листья отпра-

вились туда же, куда и лишайник — в траву, на землю. Девочка вздохнула и, привалившись к валуну, оглядела пустой весенний лес. Кажется, она была голодна и, подобно Эсмине, пыталась есть то, что ее виду несвойственно.

Эсмина была уверена, что такая опытная хищница, как она, от детского взгляда точно сможет укрыться, однако девочка вдруг уставилась в заросли тростника, где пряталась вампирша, да так и застыла, напряженно всматриваясь.

Через секунду девчонка ринулась к ней, неловко перескакивая через корни и сломанные сучья, покрывавшие землю леса. Она что-то кричала, да так истощно и надрывно, что Эсмина не выдержала и, рванув к верховью реки, скрылась в зарослях багульниках. Надежно спрятавшись в буреломе, куда ребенок точно не мог добраться, вампирша с трудом перевела дыхание, а уже потом принялась удивляться — собственной реакции и неожиданной встрече. В том, что она испугалась, ничего странного не было. Сначала одноглазая рыба, а потом человеческий ребенок, поедающий лишайник с камней, — тут даже Кройн бы насторожился. Не иначе как Мльво решило взяться за нее всерьез. Уж слишком долго она беспокоила его своим блужданием.

Девочка все не унималась, плакала и будто звала. Слов Эсмина не понимала. То ли она разучилась воспринимать детскую речь, то ли ребенок говорил на незнакомом языке.

Мльво лежало в самом сердце Готенружского королевства. Правда, от королевства давно не осталось и следа, после Ритуала и войны страна лежа-

ла в руинах, разделенная на отдельные, воюющие между собой земли людей и нечисти, однако чужеземцев здесь тоже быть не могло. Эсмина с трудом вспоминала давно забытые факты, которые перестали иметь значение с тех пор, как в ее жизни появился зов крови. Но если память ее не подводила, поблизости от Готенруга других стран не имелось. Королевство находилось в кольце непроходимых гор, которые опоясывали и душили его, словно змея добычу. Ребенок-чужестранец, бродивший по Млыву, был такой же нелепицей, как и то, что случилось с Эминой. Вампиров убивали, но никогда не проклинали. Слишком хлопотно, легче сразу убить. А в том, что та ведьма могла ее убить, Эсмина не сомневалась. Но зачем-то умирающая нечисть выбрала проклятие. Наверное, как и Кройн, была садисткой при жизни.

Мысли вернулись к девочке, которая всхлипывала у зарослей багульника, не думая никуда уходить. Она даже попробовала пробраться к Эсмине, но, кажется, окончательно завязла в сплетении упругих веток и теперь была еще громче. Вампирша не знала, сколько прошло времени, но, судя по солнцу, не меньше часа. Обе оказались упрямы. Эсмина, собравшаяся уйти от девчонки выше по течению, тоже застряла, уткнувшись в звериную плотину. Выход же преграждал ребенок, который уже не рыдал, но периодически начинал скулить, да так громко, что Эсмина всерьез стала опасаться, как бы из охотника не превратиться в добычу. Оборотней, заклятых врагов вампиров, в Млыве не водилось, но одноглазая рыба могла накликать многое.

И все-таки Эсмина успокоилась и начала думать. Девочка была явно не из низших слоев. Крестьяне не украшают одежду детей кружевом и бисером, а этого добра на юбке ребенка достаточно. Да и ботинки добротные, из настоящей кожи и со шнурками. Плащ из тяжелого бархата на подкладке, кажется, еще и брошь на нем. А вдруг... Страх наконец исчез, и мысли заработали в правильную сторону. Допустим, богатая семья проезжала поблизости Млыва. Мало ли что могло случиться. Тот же Кройн, проходивший с кланом неподалеку. Родителей и слуг загрызли, а девочка убежала...

«Ребенка легко уговорить, — прошептал голос тьмы, живший в Эсмине с момента второго рождения. — Она даст тебе столько крови, сколько попросишь. Вон, сама к тебе тянется. Девочка боится леса больше, чем тебя. Глупышка не знает, что следовало бы наоборот. Это твой шанс. Упустишь и тогда наверняка сдохнешь. Сколько тебе осталось? Дней пять, неделя? Если ляжешь и не будешь двигаться, может, с десятков дней и протянешь, но тогда лучше сразу в болото».

Эсмина еще разговаривала сама с собой, но ноги уже шагали, а руки всюду раздвигали упругие стволы речных кустарников. Идти пришлось недолго. Стоило появиться из зарослей, как девочка сама бросилась к ней, продираясь сквозь последние кусты.

Подбежала, крепко обхватила за ноги, прижалась всем телом, а зареванную мордашку задрала вверх, глядя на Эсмину с такой любовью, что ей снова захотелось бежать, причем без оглядки.

— Не-не, эни? — пробормотал ребенок. — Сюмапа, эни? Эни?

— Никакая я тебе не эни, — грубовато ответила Эсмина, впрочем, не предпринимая попыток ни освободиться, ни коснуться человеческого ребенка. Ее всю будто парализовало. Маленькие ручки крепко обнимали колени, и от этого простого жеста Эсмине почему-то хотелось плакать.

— Эни? — снова произнесла девочка и, отпустив ноги вампирши, подняла вверх испачканные ладошки, явно намекая, чтобы ее взяли на руки.

«Почему она меня не боится?» — подумала Эсмина, отчетливо представляя, как выглядит со стороны. Высокая тощая женщина с растрепанными черными волосами, окутывающими фигуру плащом, с абсолютно белой кожей и такими же бескровными губами, потому что только у сытого вампира рот красный, вызывающий. Эсмина была похожа на ведьму из страшных сказок. Любой нормальный ребенок должен с воплями бежать прочь. А эта лезла обниматься.

Эсмина не поняла, как так случилось, что девочка вдруг оказалась у нее на руках. Ласково гладила по щеке, то и дело обнимала за шею, даже чмокнула во впалую щеку, ничуть не смутившись ледяной кожей.

«Она меня с кем-то перепутала, — наконец, догадалась вампирша. — Я похожа на ее мать, или тетку, или старшую сестру. Сомнительно, что где-то еще может жить такая страшная худая женщина, но бывают же в жизни совпадения».

— И что же мне с тобой делать? — задумчиво проговорила она, выбираясь с девочкой на руках из зарослей.

— Эни, не-не, — повторила та и, открыв рот, выразительно пожевала губами. Тут и без всяких слов было понятно, что ребенок проголодался и требует еду. Не сумев добыть ее самостоятельно, он просил помощи у первого взрослого, к тому же напоминающего кого-то из своих.

— Да где же я тебе тут еду достану? — вздохнула Эсмина, беспомощно оглядывая лес.

Все мысли о том, чтобы попросить ребенка о крови, остались там, в речных зарослях. Что-то сделала с Эсминой злая ведьма. Даже если бы и не проклятие, вампирша не смогла бы дотронуться до этой хрупкой белой шейки, сквозь тонкую кожу которой проглядывали синие венки.

С трудом отведя глаза от запретного, она крепче перехватила ношу, которая почти ничего не весила, и вдруг увидела пеньки, оставшиеся от человеческого топора. Ну конечно! Как же она сразу не догадалась! Ведь Ялмар совсем рядом. А вдруг родители девочки живы? Ждут ее в деревне, а скорее всего давно ищут по округе. Даже если их там и нет, в Ялмаре живут люди, они точно знают, что делать с потерявшимся ребенком. Главное, чтобы зов крови ее не выдал. На то, чтобы бегать от охотников по лесу, сил у Эсмины не было.

— Будет тебе твоя эни, — пробурчала она и пересаживала девочку на шею, чтобы освободить руки. Когда бродишь по Млыву, нужно быть готовым ко всему, а когти — ее последнее оружие.

Заприметив листья черемши, которые, кажется, люди употребляли в пищу, Эсмина сорвала их и сунула ребенку. Та принялась с удовольствием чавкать, распространяя вокруг себя отвратительное чесночное зловоние. В мире нет ничего ужаснее чеснока, но Эсмина успокаивала себя, что это просто похожие запахи и черемша с чесноком не имеет ничего общего. Так, терпя человеческого детеныша у себя на шее и страдая от невыносимого желания крови, вампир Эсмина побрела сквозь белые березовые стволы Мльва в Ялмар, деревню, где не ждала для себя ничего хорошо.

«Избавлюсь от этой лягушки и утоплюсь в болоте», — решила она, радуясь, что сомнения наконец остались позади.

Глава 2

ДОГОВОР С ТЕМНЫМ

Ялмар был крупным поселком с красивыми резными воротами и уютными деревянными домишками. Крыши из разноцветной черепицы придавали деревеньке причудливый, но милый вид.

Эсмина услышала поселок задолго до приближения и забралась на старый тополь, чтобы рассмотреть, что там творилось у людей. Похоже, праздновали. Стояла весна, а с наступлением тепла люди всегда что-то празднуют. Поселок был разукрашен флажками, на главной улице выставлены лавки, наряженные селяне бойко торговали и покупали. На площади возвышался помост с тремя столбами. Один из них был обложен хворостом, на двух других болтались веревки с петлями. Редко какой человеческий праздник обходился без казни.

Спустившись с тополя к ожидавшей ее внизу девочке, вампирша оглядела свои грязные босые ноги, растрепанные юбку и блузу, свисающие космы волос и призадумалась. Идти к людям в таком виде было нельзя, а другой одежды у нее не осталось. Сестры клана, узнав об изгнании, позаботились, чтобы все наряды Эмины — в основном подаренные Кройном — пожрал огонь. Бросили в камин все — даже драгоценности. Эсмине тогда было не до гар-

дероба с украшениями. С трудом убежав от истекающих ревностью сестер, она скрылась в Млыве, где суеверные вампиры от нее и отстали. В следующие несколько недель одежда Эсмину не волновала. Она отчаянно искала кровь. При мысли о жажде взгляд поневоле прилип к детской шейке, и вампирша поняла, что от ребенка надо избавиться как можно скорее.

— Пойдем побродим, — сказала Эсмина девочке, которая послушно засемила за ней следом. Ребенок по-прежнему говорил маловразумительно, часто повторяя загадочное слово «эни».

Что вампирша искала в окрестных лесах, она и сама толком не знала, но интуиция не подвела. Березы и тополя стали встречаться реже, уступая место лугам и пастбищам. С тех пор как Эсмина навещала поселок последний раз — еще вместе с Кройном, — Ялмар разросся, разбогател. Лошадиный табун насчитывал голов пятьдесят, овец в отарах и вовсе виднелось бесчисленное множество. Но скот вампиршу не интересовал. Дальше начинались пашни и огороды, к ним она и направилась.

Память не подвела. Весной в деревнях отмечали много праздников, но самый крупный был один: День посевных гуляний. А так как тепло стояло давно и лед с реки сошел без следа, то пашни, вероятно, уже засеяли. Что и отмечали всей деревней.

Им повезло дважды. Во-первых, Эсмина набрела на пасеку. Селяне уже выволокли ульи из мшаников, и пчелы успели заполнить первые соты. Спрятав ребенка в дупле, Эсмина разорила самый дальний улей, равнодушно наблюдая, как пчелы силятся

прокусить ее твердую ледяную кожу. Большинство так и погибло, оставив жало вместе с брюшками на ее руках и шее. Меда в сотах было немного, но его хватило, чтобы вызвать у девочки такой восторг, что Эсмина всерьез испугалась, как бы их не услышали. Оставив перепачканного, но счастливого ребенка в дупле, вампириша отправилась к пашням, где ей повезло снова.

Спрятавшись за кустарниками, она какое-то время наблюдала, дивясь тому, что творится в людских головах. С десятков молодых девок, побросав одежду в траве, катались нагишом по свежевспаханной земле, смеясь и бросаясь друг в другу грязью. О таких обычаях Эсмина слышала, потому и пришла. Селяне верили, что посевы будут сильными и здоровыми, как те девушки, что покатались по полю. Они придут сюда еще раз, ближе к вечеру, — уже с парнями. В памяти вспыхнуло и погасло нехорошее: вид скорченных, изуродованных обнаженных тел, оставшихся после пиршества Кройна. Некоторые селяне тогда так и умерли, не разжимая объятий. Она и сама принимала участие в том набеге, но не по себе ей стало именно сейчас. Может, сказывалось долгое отсутствие крови или проклятие с изгнанием, а может, все вместе.

Схватив первую попавшуюся блузу с юбкой и поясом и подобрав лапти из мягкой бересты, Эсмина бросилась наутек, мечтая, чтобы страшное воспоминание исчезло из ее головы навсегда. Странно, что «страшным» оно стало только сейчас, когда она, глядя на веселящихся селянок, вдруг осознала, какая пропасть лежит между ней и людьми.

Отдать им ребенка и забыть, уйти к болотам и сдохнуть, повторяла про себя Эсмина, сурово теребя давно нечесанные космы. Девочка собралась ей помогать, но, представив, что помимо грязи, веток и палой листвы в волосах окажутся еще и остатки сот, Эсмина ее отогнала. В конце концов у нее получилось заплести две косы, которые она все равно спрятала под косынку — на всякий случай. Привлекать к себе как можно меньше внимания — вот залог успешного общения с людьми на все времена.

Разговаривать Эсмине вообще не хотелось. Кройн говорил, что она родом с Севера, так как от особого выговора Эсмина не избавилась даже за сто лет. Впрочем, в последние десятилетия она много не разговаривала. Вампиры в клане общались мысленно, а с жертвами Эсмина предпочитала молчать.

— Рот на замок, — велела она девочке и для наглядности приложила палец к губам. — Вот когда я уйду, можешь начинать кричать. Тебя обязательно подберут.

План был прост. Привести девчонку на площадь и оставить поблизости от толпы. Какая-нибудь сердобольная селянка обратит на нее внимание, а дальше пусть люди сами разбираются.

В Ялмар они вошли легко, даже слишком. Эсмина, привыкшая во всем видеть дурные знаки, несколько раз оглянулась на ворота, в любой момент ожидая, что они сейчас закроются, а из улиц выбегут охотники с серебряными копьями. Однажды так уже было, ее тогда спас Кройн, умевший превращаться в гигантскую летучую мышь, но кошмары о мужиках с колыями преследовали Эсмину до сих пор.

Девочка послушно держала ее за руку, и Эсмина постоянно ощущала медовую липкость ее ладони. Прикосновение не раздражало, наоборот, трогало какие-то незнакомые струны души, то ли забытые за долгие годы неживого существования, то ли и вовсе никогда не испытанные.

— Не-не, эни? — Девочка подергала ее за руку и указала липким пальчиком на огромный леденец, изображавший красную лягушку. Они как раз проходили лавку со сладостями. Причудливые сахарные фигурки на деревянных палочках аппетитно торчали из крашенных ведерок и керамических кружек, расставленных по столу как раз на уровне глаз ребенка. Эсмина сама и не обратила бы на них внимания.

И хотя она собиралась пройти мимо, девочка так смотрела на блестящие в ярком солнце леденцы, что вампирша решила остановиться. С нее не убудет, а девчонке в радость. Эсмина не помнила, когда в последнее время доставляла кому-то радость, и собралась попробовать новое чувство на вкус. Можно было применить гипноз, но в кармане украденной юбки завалялась пара монет, и вампирша решила не рисковать. Мало ли кто шастает в ярмарочной толпе. Если кого и гипнотизировать, то только наедине. От обилия столь большого количества теплокровных рядом у голодной Эсмины слегка кружилась голова, и она не была уверена, что вообще способна сейчас на гипноз. Сил осталось немного.

— Самый большой леденец для ребенка! — сказала она, с трудом выговаривая давно позабытые

слова. Впрочем, торговка ее поняла и, ловко поймав монеты в открытую ладошку, торопливо произнесла:

— Какой леденец хотите? Они все большие! Где ваше дитяtko? Пусть само выберет!

Запоздало Эсмина подумала, что, наверное, дала слишком много денег и сначала следовало бы спросить цену, но, судя по торжественному лицу селянки, обратно монеты она без боя не отдаст.

Махнув рукой на деньги, Эсмина повернулась к девочке и указала на лавку с леденцами. Выбирай, мол. Но та вдруг засмушалась и, уцепившись за ее юбку, принялась хныкать. Эсмина закатила глаза.

— Дайте любой, — прорычала она и обратилась уже к девочке: — Что ты за меня цепляешься? Бери свой леденец, я здесь торчать до вечера не собираюсь.

Торговка как-то странно на нее посмотрела и, поглубже засунув монеты в карман, принялась оглядываться.

— Где ж ваш ребенок? Вы для кого леденец покупаете? Если для себя, то зачем всякое выдумываете? Мне и вам незазорно продать.

— Леденец для нее! — не удержалась от гнева Эсмина и ткнула пальцем в испуганную девчонку. — Ты что, не видишь?

— Не надо хамить, дорогуша, если день не задался, то бери конфету и ступай своей дорогой, — отрезала селянка, по-прежнему глядя только на вампиршу.

Не выдержав, Эсмина молча выхватила первый попавшийся леденец из ведерка и, сунув его девоч-

ке, бросила на торгашку возмущенный взгляд. Мол, видишь, кому конфета нужна?

— Ты зачем мой леденец на землю бросила?! — вдруг завопила торговка. — Думаешь, заплатила и можешь о мой товар ноги вытирать? Эй, смотритель, смотритель!

Люди стали оглядываться, а Эсмина, подняв с земли сладость и схватив девочку за руку, поспешно оттащила ее от лавки. Скрыться в толпе не получилось, потому что торгашка, как ужаленная, орала вслед, указывая на них пальцами. Люди расступались и бросали на Эсмину хмурые взгляды. Если бы вампиры умели потеть, она бы вся взмокла от напряжения.

— Вот видишь, что ты наделала! — рыкнула она на ребенка, впрочем, тут же пожалев об этом. Девочка сунула леденец в карман юбки и плелась за ней, понуро повесив голову. Эсмина почувствовала себя последней сволочью. Даже жертвы никогда не вызывали у нее такого чувства.

— Где же тебя оставить? — бормотала она, разглядывая ярмарочные лавки и шатры.

Повсюду толпились люди, но глазели они не на землю, под ноги, а на товары. Для того же, чтобы девочку заметили, надо оставить ее на виду. Иначе точно затопчут. Еще раз прокрутив последнюю мысль в голове, Эсмина заподозрила неладное. Чуйка на неприятности всегда была развита у нее сильно, и сейчас она прямо-таки вопила о подвохе.

— Эй! — Вампир схватила проходящего мимо селянина за руку. — Вы не знаете, чей это ребенок?

— Тебе солнце голову напекло, что ли? — грубовато ответил он. — Где ты здесь детей видишь?

— А это кто? — крикнула ему вслед Эсмина, указывая на девочку, но мужчина только рукой махнул. Мол, отстань.

И правда, других детей, кроме девчонки, поблизости не виднелось. Все они собрались у помоста с тремя столбами — на казнь глядеть. Туда же постепенно стекалась и остальная толпа. Но дети, конечно, толкались в первых рядах.

— То есть тебя никто не видит? — протянула Эсмина, уставившись сверху вниз на девочку, которая вдруг испугалась и обхватила ее за колени, скомкав юбку.

— Эни? — проямлила девочка, и ее нижняя губа задрожала, предупреждая о готовящемся водопаде слез.

— Ой, да рыдай сколько влезет! — вспыхнула вампирша. — Ты мне одной мерещишься, что ли?

— Конечно, тебе одной, — послышался насмешливый голос, и Эсмина закрутила головой, пытаясь найти наглеца.

Смеяться над собой людям она никогда не позволяла.

— Да здесь я, — послышалось откуда-то сверху.

Задрав голову, она увидела молодого мужчину, привязанного к одному из трех столбов на помосте. Впрочем, все столбы уже были заняты. В петлях двух понуро торчали головы женщин, обладателю же мужского голоса достался столб с хворостом. Нетрудно было догадаться, почему именно его решили сжечь. Обычно селяне казнили так только ведьм и колдунов. А в том, что привязанный к столбу мужчина был из колдовского племени, Эсмина

не сомневалась. То, как он выглядел, говорило само за себя.

Одна половина головы бритая, вторая — в туго заплетенных косах, торчащих в разные стороны. Бритая кожа покрыта татуировками — замысловатыми узорами и письменами. В косы же вплетены бусины, косточки, ветки, что-то сушеное... В проколотых ушах — кольца и полоски металла. Глаза шальные, бирюзовые, цвета летнего неба. Нижние веки покрашены черным, на одной щеке — шрам из выпуклых точек, слишком аккуратный для боевого ранения. Губы растянуты в дерзкой ухмылке, которая будто навсегда к ним приклеилась. Вероятно, и одежда у него была соответствующая, как у всех служителей Темного Хозяина, но деревенские перед казнью ее забрали, одев осужденного в рубище. Теперь казалось, что голова с причудливыми украшениями и странной прической принадлежит одному человеку, а туловище — другому. Первый — верный служитель дьявола, который и на костре будет улыбаться, второй — примерный семьянин, оступившийся и глубоко раскаивающийся в содеянном.

Надо быть полным идиотом, чтобы припереться к суеверным селянам с ритуальными татуировками и полубритой башкой. Лысые головы вообще в деревнях считаются дурной приметой. Колдун или совсем неопытный, раз не знал таких очевидных вещей, или преследовал какие-то свои цели — причем неудачно, потому что оказался ведь на костре.

Эсмина догадывалась, почему костер еще не запалили. Обычно такие вещи делались в темноте,

чтобы красивее было. Судя по уверенно клонившемуся к горизонту светилу, жить чернокнижнику оставалось часа два-три.

Последняя встреча с колдовским племенем закончилась для Эмины весьма плачевно, поэтому она уставилась на парня с неприкрытой ненавистью. Хотелось хоть кому-то из них отомстить за свое несчастье.

— Хворост, смотрю, под тобой сырой, медленно будешь гореть, — язвительно сказала она, радуясь тому, что девочка ее не понимает.

— Правильно, пусть горит медленно! — подхватили в толпе. — Сдохни, колдун!

Радуясь, что внимание деревенских теперь принадлежит типу у столба, Эмина незаметно подтолкнула девочку к другим детям. Но та отцепляться от ее юбки ни за что не желала. Не вытерпев, вампириша схватила ее за руку и подволокла к детворе, кидающей в осужденных мусор и землю. Стражники у помоста следили, чтобы камнями пока никого не били, видимо, оставляли представление под вечер.

— Зря стараешься, — снова раздался голос от столба. — Если вы пробыли вместе дольше часа, то, считай, срослись навек.

Колдун неожиданно перешел на северный диалект, который в Ялмаре вряд ли кому был известен. Казалось, что приговоренный несет тарабарщину. Или молится своим нечистым богам. Зато Эмина понимала каждое слово.

— Наверное, есть хочешь? — ехидным тоном продолжил колдун. — Столько крови вокруг, а ни

к кому и прикоснуться нельзя. Как давно на тебе проклятие?

Эсмина злобно уставилась в землю, понимая, что, если начнет отвечать, сразу себя выдаст. Одно дело — оскорблять преступника, другое — вести с ним беседы. Девочка, разумеется, к другим детям не пошла, так и стояла рядом, держась за ее юбку.

— Это же марий дух, она и в болото с тобой пойдет, ты ведь о нем уже думала, правда? — снова раздалось от столба. Чернокнижник не иначе как читал ее мысли.

— Что ты хочешь? — тихо произнесла Эсмина. Вокруг шумела ярмарочная толпа, но колдун ее услышал.

— Освободи меня, — голосом дьявола предложил он. — На закате в Ялмар должен прибыть Фарэл Огнепал, слыхала о таком? И не важно, что ты полуденная, вампира он узнает с первого взгляда. Начнем с того, что ты не отбрасываешь тени.

Эсмина спохватилась и скорее перешла под высокое корявое дерево без листвы, зачем-то оставленное у помоста. Можно было только догадываться, что его не срубили за выслугу лет. Висельные деревья в некоторых деревнях считались священными.

О Фарэле Огнепале она не слышала, но поняла, что колдун говорил об охотнике. Таких частенько приглашали на казни нечистых. А если этот Фарэл окажется еще и охотником на вампиров, то ей из деревни точно не выбраться. У таких нюх как у псов, а то и лучше. В лесу Эсмина, конечно, подумывала о смерти, но, оказавшись среди людей и вдохнув запах жизни, решила еще немного побо-

роться. Может, она и не присягала Темному Хозяину, но подарок в виде чернокнижника был явно от него. Кто еще мог снять ведьмино проклятие, как не колдун?

Задумавшись, Эсмина принялась ходить вокруг дерева, гадая, как бы извернуться, чтобы колдун ее не обманул. Девочка устроилась на извилистом старом корне и, достав леденец, принялась сосредоточенно его облизывать. Мимо ходили люди, изредка бросали на Эсмину подозрительные взгляды (все-таки она была чужачка), но на девочку никто не обращал внимания — ни одного поворота головы в ее сторону. О марьих духах вампирша слышала, но считала вымыслом. Почему? Потому что за почти сто лет долгой жизни ни она сама, ни кто-либо из клана с ними не сталкивался.

При мысли о клане в груди потянуло, заболело, на душе стало тоскливо, грустно. Эсмина и не догадывалась, как сильно прикипела к Гнезду, пока оно не стало недостижимым. Прожить сто лет вместе — многое значит. Но как же легко они ее выгнали!..

— Ты еще долго думать будешь? — окликнул ее колдун. — Солнце припекает.

«Скоро тебя еще не так припечет», — хотела огрызнуться Эсмина, но догадалась, что он ее подначивал. Время шло, надо было решаться.

— Обманешь — найду и прикончу, — прошептала она, глядя себе под ноги. — Поклянись Темным Хозяином, что выполнишь то, что обещал.

— Клянусь Темным Хозяином, — тут же отозвался колдун, и Эсмина поняла, что этот тип может поклясться чем угодно. Без всяких обязательств.

Будь что будет, вздохнула она, кивнув ему. Мол, согласна.

— Жди здесь, — велела она девчонке, но даже не стала проверять, послушалась та или нет. И так знала, что ребенок поплелся следом. Станным все-таки был этот дух. Сладости любил, голод чувствовал..

Двое селян неподалеку жарили огромную телячью ногу, нанизанную на вертеле. Мясо томили давно, оно истекало соком и наполняло площадь назойливым запахом, казавшимся Эсмине зловонием смерти. Аппетита у нее он не вызывал в отличие от большинства селян, толпившихся вокруг мяса. По мере готовности повара отрезали от бедра ровные куски, нанизывали их на деревянные шпажки и продавали.

— Эни! — потянула ее за руку прожорливая девчонка, указывая на мясо. Эсмина твердо покачала головой, решив, что больше на провокации не поведется. Раз дух, значит, от голода не умрет.

Протолкавшись в первые ряды, она все-таки купила палочку с мясом. Присев, сунула ее духу, затем тайком вытянула пару тлеющих углей из костра. Кожа ладоней тут же почернела и обуглилась, однако боли Эсмина не ощутила. Огонь мог повредить вампиру, но не убить. А вот серебряный кол в сердце представлял серьезную опасность. Неудивительно, что Эсмина серебро ненавидела.

Колдун молчал, больше не веселя публику тарбарщиной, палач еще не приехал, на другом конце площади начали выступать скоморохи и клоуны — внимание толпы к осужденным поубавилось. Даже детвора отлепилась от погоста, убежав к циркачам.

Глядя в расширившиеся от ужаса глаза колдуна, Эсмина сунула еще раскаленные угли в хворост, сложенный у подножия дровяной кучи, которая должна была отправить слугу к Хозяину, в ад.

— Что ты... — Договорить он не успел, так как высушенные и нагретые на солнце дрова вспыхнули жадно, охотно и мощно. Облизнув добычу, пламя метнулось к небу, загораящая орущего колдуна от всего мира.

— Потушите огонь! — раздавалось со всех сторон.

Люди засуетились, забегали... Еще бы, ведь им портили представление. Колдун должен был стать факелом на фоне черного неба, чтобы осветить своей смертью человеческую скуку.

— Воду, несите воду! — присоединилась к общим крикам Эсмина.

Схватив камень, она размахнулась и бросила его в водонапорную башню, которую заприметила ранее. Бульжник, получивший ускорение от нечеловеческой силы вампира, легко пробил деревянную стену огромной бочки, окатив тугой струей гуляющую толпу. Вот теперь степень хаоса на ярмарочной площади приобрела нужную величину. Одни бросились спасаться от пламени, которое перекинулось на помост, другие метнулись к льющейся воде, подставляя подвернувшиеся под руки емкости — ведра, черпаки, шапки. Внезапный пожар в полностью деревянном Ялмаре мог стать причиной конца, и деревенские паниковали не зря.

Довольная тем, что натворила, Эсмина впервые за долгое время почувствовала себя в нужной колее. Смерть и разрушения всегда шли рука об руку с ее

кланом, и царящее вокруг безумие напомнило ей о доме. Наверное, будь она способной рыдать, то сейчас и слезу ностальгии бы смахнула.

Убедившись, что окружающим до нее нет дела, вампирша шагнула в пламя и, выпустив когти, одним взмахом срезала веревки, удерживающие колдуна. Теперь ей нравилось на него смотреть. Приближающийся огонь сбил с него всю спесь.

— Сумасшедшая! — выдохнул чернокнижник, кашляя и опираясь на ее руку. Пламя ему не навредило, но дыма он наглотался.

— Кто бы говорил, — хмыкнула Эсмина, бесцеремонно стаскивая его с помоста. Если бы она подстраивалась под его движения, казавшиеся ей медленными и неповоротливыми, сгореть успели бы оба.

— Постой, — прохрипел колдун и, взяв ее руку с когтем, отрезал одну из своих кос. Скрутив волосы в причудливый узел, он бросил их в пламя, поближе к двум столбам, где были привязаны женщины, осужденные на повешение. — Ты же не хочешь поджечь и их?

— Да мне все равно, — пожала плечами вампирша.

И ведь не солгала. По сравнению с зовом крови никакие чувства не могли быть сильнее. Глядя на то, как суетливо мечутся и кричат в страхе люди, Эсмина им даже позавидовала. Ощущать что-то сильнее голода было... заманчиво.

Тем временем колдовство сработало, сплетенные волосы, попав в огонь, стали съезживаться, а вместе с ними принялось скукоживаться и пламя,

уже почти добравшееся до ног двух оставшихся на помосте преступниц.

— Бегите! — крикнул колдун и ткнул пальцем в веревки на руках женщин. Повинуясь его жесту, узлы распались, освобождая пленниц.

«Они ведь убийцы!» — подумала Эсмина, глядя на красные обручи, которые стягивали шеи убегающих. Такие «украшения» всегда надевали перед казнью тем, кто забрал чью-то жизнь. И тут же едва не расхохоталась. Она и сама бы носила подобный обруч, окажись в руках правосудия. А вот вторая мысль была более здравой. Если чернокнижник так легко освободил этих двоих, что мешало ему сделать то же самое с собственными узами?

Но думать было некогда. Веревки колдуна превратились в двух черных змей, которые, раскрыв пасти, жадно пожирали огонь, все время увеличиваясь в размерах. Когда Эсмина с колдуном и девчонкой убегали с площади, змеи уже заполонили собой помост, который, поврежденный огнем, грозил рухнуть под их тяжестью в любую секунду.

— Стой, нам туда! — окликнул ее колдун, когда она метнулась к воротам. Там как раз никого не было, все стражники умчались тушить ярмарочную площадь.

Колдун указывал в другую сторону, в переулок, и Эсмина зарычала, подозревая, что обман, которого она так ждала, вот-вот случится.

— Выход там! — упрямо произнесла она. — Ты обещал мне кровь!

— Будет тебе кровь, — нетерпеливо махнул рукой чернокнижник. — Мне надо kota и вещи забрать.

— Какого кота? — оторопело спросила Эсмина.

— Этого!

На углу одного из домов стояло странное создание, весьма отдаленно напоминающее кота, и нервно переминалось с лапы на лапу. Всем видом оно будто показывало: что ж так долго, заждался уже! Морда и правда походила на кошачью, разве что нос отдаленно напоминал свиной пяточок — возможно, из-за отчаянно розового цвета. Шкура была серой, потрепанной и клочковатой, но самым странным оказался хвост, больше похожий на заячий, чем на кошачий. Крючок, густо покрытый мехом, напоминал помпон, который иногда пришивают на детские шапки. Довольно комичный вид — если бы не глаза. Раз взглянув в них, Эсмина тут же отвернулась: такой злобы она не видела даже у Кройна. Странно ссутулившись, кот пошел к ним, продемонстрировав огромные задние лапы, намного крупнее передних.

Если у Эсмины тварь вызвала стойкую неприязнь, то девчонка, которая все это время послушно бежала рядом, завидев животное, заверещала так звонко и радостно, что вампирша впервые обрадовалась, что та была духом, слышать которого могли немногие.

— Что это? — брезгливо спросила Эсмина, когда животное подошло ближе и, выгнув спину, потерлось о ноги колдуна. Как и любой вампир, она уважала котов, но только не тех, кто притворяется ими.

— Мой кот, — просто ответил чернокнижник, — в пути познакомились. Подождите меня в кустах, я сейчас.